

УДК 327(476)

М.Э. Чесновский

ЕВРОПЕЙСКИЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ РАЗЛОМ В 2010-х гг. И БЕЛАРУСЬ

На состояние и прочность международной безопасности повлияли события последнего десятилетия XX и начала XXI в. Она испытала пресс нарастающей глобализации – противоречивого процесса, затронувшего все сферы жизни мирового сообщества. На международной арене происходила перегруппировка сил. Возникали и укреплялись новые центры влияния, множилось количество суверенных субъектов международных отношений. Сохраняли непредсказуемость процессы региональной интеграции. Эти процессы в полной мере оказались типичными для Европы. Старый континент оставался по-прежнему мотором общемировых геополитических изменений. Геополитическим барометром начала 2000-х гг. здесь выступали экономико-политические амбиции Европейского союза и России. Местом их приложения оказался регион Центральной и Восточной Европы. Учитывая складывающиеся реалии, Республике Беларусь требовалось переосмысление содержания приоритетов внешней политики и возможностей ее ресурсного обеспечения.

Европейская безопасность в начале XXI в.

На рубеже XX–XXI вв. наметилась эволюция факторов, определяющих влияние и силу того или иного европейского государства: возросло значение финансовой мощи, разветвленности банковских систем, оперативности коммуникаций, внедрения и доступности информационной инфраструктуры. Одновременно сохранили свою значимость и «классические» военно-политические инструменты внешней политики. В результате безопасность в Европе не стала более прочной и предсказуемой. Ранее, в начале 1990-х гг., с преодолением блокового противостояния, известного как «холодная война», казалось, что закончилась и идеологическая конфронтация на континенте. Европейцы хотели верить, что военные конфликты и идейная нетерпимость окончательно ушли в прошлое, что наступает эра мира, спокойствия и процветания, открываются возможности решения международных, региональных и двусторонних проблем путем цивилизованного взаимодействия и взаимоуважительного сотрудничества между государствами.

Эти ожидания оказались далекими от реальности. Прежняя борьба за сферы влияния между ведущими акторами международных отношений распалась на множество локальных (региональных) эпизодов. На смену угрозе мировой ядерной катастрофы пришли новые вызовы: международный терроризм, организованная преступность, наркотрафик, неконтролируемое распространение оружия массового уничтожения, глобальные финансово-экономические, экологические кризисы и массовые эпидемии. На волне сепаратизма, других проявлений национального и религиозного экстремизма в Европе возник ряд региональных конфликтов, жертвами которых стали сотни тысяч человек. Усиленный глобализацией, масштаб этих угроз многократно возрос. С одной стороны, выросла взаимозависимость государств, региональные конфликты начали всерьез угрожать общеевропейской безопасности и стабильности. С другой – углубившаяся неравномерность экономического развития государств создала питательную среду для накопления кризисного потенциала в большинстве стран континента. На этой основе стали возникать и стремительно разрастаться разного рода экстремистские политические течения, сделавшие своим орудием насилие и террор.

Обозначенные магистральные направления европейского развития фокусировались на перспективах завершения и степени «кристаллизации» искомых результатов системных преобразований в самом проблемном регионе континента – постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Они приобрели принципиальное значение для

Республики Беларусь, наложив серьезный отпечаток на ее политику безопасности, эффективность которой во многом зависела от точности соотнесения европейских политических и экономических тенденций с национальными целями и возможностями самореализации на внешнеполитической арене.

Эволюция геополитической парадигмы в регионе Центральной и Восточной Европы

На современном этапе, как и ранее, страны ЦВЕ были лишены возможности полноценно осуществлять собственную геополитическую стратегию. С начала 2000-х гг. главная линия геополитического состояния определялась нарастанием в этом регионе экономико-политических амбиций двух глобальных сил: Европейского союза, устремившегося на Восток континента, и России, возрождающей роль региональной сверхдержавы. Реализуя концепцию европейской политики сотрудничества (ЕПС), а с недавнего времени – программу «Восточного партнерства», ЕС эффективно проникал в регион, который Россия традиционно рассматривала как сферу своих жизненных стратегических интересов. Ее представители заявили относительно «Восточного партнерства», что «такая архитектура сотрудничества ЕС с соседями России не должна вступать в противоречие с интеграционными обязательствами этих стран в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)».

Борьба двух доминирующих европейских сил за раздел сферы интересов неизбежно накаляла ситуацию в регионе. И Евросоюз, и Россия выстраивали свои собственные стратегии на одном и том же геостратегическом поле с одной и той же целью: охват постсоветских стран своим влиянием согласно собственному видению, далеко не всегда адекватному национальным интересам государств региона. При этом оба доминирующие европейские субъекта старательно затушевывали конкуренцию между собой, объявляя себя партнерами. Тот факт, что Россия и ЕС решили действовать в постсоветских странах с взаимно исключаящими друг друга целями, неизбежно подводил к точке отсчета, при которой их стратегии и методы создадут определенное напряжение либо даже серьезные проблемы во взаимных отношениях. Не исключалось, что странам ЦВЕ в очередной раз в истории могла быть отведена роль пушечного мяса.

Своеобразный «спусковой» механизм сработал в 2008 г. Геополитическая картина в регионе ЦВЕ, пока не выходя за обозначенную выше систему координат, существенно усложнялась под воздействием двух знаковых событий: обнародованных планов размещения на территории Польши и Чехии американских систем ПВО (радаров) и российско-грузинской войны в августе 2008 г.

Политико-дипломатическая подготовка к размещению в двух государствах НАТО американских систем отслеживания воздушных объектов, не принадлежащих членам Североатлантического договора, могла остаться мало замеченной, если бы речь шла об ином районе дислокации. А вот создание таких плацдармов по соседству с Беларусью и Россией вызвало резкую реакцию этих государств. Испытанным средством противодействия стали планы адекватного реагирования, в частности, размещения на белорусской территории российских ракет ПВО. Возникшее блоковое напряжение (НАТО, с одной стороны, Союзное государство Беларуси и России, с другой) воссоздало в памяти события недалекого прошлого, когда эти же территории входили в стратегическую полосу блокового противостояния между НАТО и Организацией Варшавского Договора (ОВД). Такое географическое и мемориальное наслоение добавило негатива во взаимоотношениях между Москвой и Вашингтоном. Многострадальный регион ЦВЕ в очередной раз оказывался перед незавидной ролью детонатора в мировой гонке вооружений и объекта милитаризации собственного пространства.

Мир встревожила возникшая в дни Олимпийских игр 2008 г. война между Россией и Грузией. Этот конфликт также территориально относился к региону ЦВЕ (согласно определению ОБСЕ). Он вызвал множество дискуссий вокруг политических, военно-стратегических и гуманитарных последствий. Первоначально в эпицентре оказались вопросы типа «кто виноват», но позже, после пережитого шока, на первый план вышла дискуссия о проблемах влияния внешних факторов на грузино-югоосетинский конфликт и последствий самой войны для отношений на линии ЕС – Россия, СНГ – Россия. Острый характер также приобрел прецедент международного признания новопровозглашенных самостоятельных государств (Абхазия и Южная Осетия) в результате принудительного дробления территории одного из государств – участников СНГ (Грузия).

Сам названный прецедент утаивал потенциал разрастания в пределах СНГ с угрозой перерастания в типичный подход к разрешению проблем согласно однажды созданному шаблону. Ломка государственных границ, с учетом геополитических тенденций, могла охватить Молдову, Азербайджан. Понятно, что ряд стран – участниц СНГ с повышенным вниманием наблюдал за действиями России по поддержке суверенизации территорий Абхазии и Южной Осетии после поражения грузинских войск. Весной 2009 г. Москва стала выразительно добиваться от белорусского руководства согласия не только на признание отделенных от Грузии республик, но и включения их в состав Союзного государства, это значит, превращения «двойки» в «четверку». Ясно, что осуществление подобного варианта вызвало бы неоднозначную реакцию на пространстве СНГ.

Конфликт России с Грузией раскрыл еще один важный аспект геополитики. В современном глобализированном мире никакой конфликт не может считаться делом только тех сторон, которые очутились в состоянии конфронтации. А если участник – региональная сверхдержава, то конфликт неизбежно заставляет беспокоиться все крупные страны мира, но особенно, соседей. Ничего удивительного, что на вспышку российско-грузинской войны прежде всего реагировали страны, в прошлом пережившие присоединение к Российской империи (либо СССР): Литва, Латвия, Эстония, Польша, Украина. С учетом современных интересов и ностальгических настроений названные страны явно пытались содействовать этим бывшим советским республикам в деле нейтрализации влияния России на неделимость их государственных границ и сохранение суверенитета.

Российско-грузинская война стала своеобразным кратковременным допингом для воскрешения политической идеи формирования Балто-Черноморского субрегиона. Выражая поддержку Грузии, руководители стран Балтии, Польши и Украины попытались использовать данную угрозу региональной безопасности для укрепления собственных позиций в Европе. Это вылилось не только в попытки ограничить европейское влияние России, решить проблему территориального единства Молдовы, укрепить на свой лад энергетическую безопасность. В более широком контексте эти страны стали активнее выяснять складывающиеся на тот момент и в будущем основы сотрудничества и конкуренции между ЕС и США, с одной стороны, и Россией, с другой, на территориальном пространстве субрегиона Средней Европы. Такая активность, хотя и была жизненно важной для стран субрегиона, все же дополнительно обострила геополитическую ситуацию во всем регионе ЦВЕ.

Здесь необходимо признать право стран Балто-Черноморской полосы расставлять все точки над «і» на своем пространстве, ибо от характера решения их политических, экономических и социальных процессов и сейчас, и в отдаленной перспективе будет зависеть как их собственная безопасность, так и геополитическая стабильность Европы. Совершенно оправданно на указанные процессы и архитектуру европейской безопасности соответствующее влияние оказывала Беларусь, как не только неотъемлемый субъект отношений в Балто-Черноморской полосе, но и стратегический союзник России. Эта вторая роль заставляла Минск выступать оппонентом идеи Балто-Черноморского субрегиона.

Вполне понятно: решая расширять собственные связи с Евросоюзом, белорусское руководство трезво учитывало тот факт, что Брюссель сознательно, хотя и политически приглушенно, стремится ослабить союзные узы Беларуси с Россией. Еще более целенаправленно проводились в жизнь стремления ЕС к укреплению сотрудничества с Украиной. Отношения с Киевом вообще рассматривались в качестве пробного теста в политике соседства ЕС со странами Восточной Европы. Западноевропейские политики разработали арсенал факторов для ускорения процессов европеизации Украины, среди которых – и нейтрализация российского влияния. От воплощения в жизнь данных факторов зависели перспективы членства Украины в Евросоюзе, которые на тот момент оставались неясными.

В 2009 г. обновлялось действующее Положение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Украиной от 1 апреля 1998 г. По мнению руководства Евросоюза, новое соглашение было способно ускорить ход украинских реформ, укрепить политическую стабильность не только Украины, но и всего региона ЦВЕ. Такие оценки основывались на учете потенциала страны и политики высшего руководства, конкретнее – на размерах территории, численности населения, геополитическом положении и двойственной внешней ориентации. По инициативе бывшего президента В. Ющенко переговоры о расширенном соглашении ЕС – Украина велись с 2005 г. Оно предполагало охватить области свободной торговли, упрощенного визового режима, диалога по энергетическим вопросам, сотрудничества в сфере правосудия и внутренних дел, а также связь с внешней политикой и политикой безопасности. Украинский президент ставил целью вступление страны в ЕС в 2007 г., но этого не произошло; Киев даже не получил статуса государства-партнёра, оставшись стратегическим партнёром.

Безусловно, украинское государство обладало суверенным правом ускорять интеграционные шаги в ЕС. Однако утверждение Киева и Брюсселя о потенциальном укреплении политической стабильности в регионе ЦВЕ в результате включения Украины в ЕС не звучало убедительно, ибо прозападный украинский вектор противоречил российским стратегическим интересам. Кстати, предостережения относительно отрицательной реакции Москвы звучали со стороны и некоторых крупных государств – членов ЕС. С другой стороны, среди аналитиков блуждало предположение, что членство Украины в Евросоюзе могло оказать решающее влияние на ситуацию безопасности в регионе, особенно укрепило бы те страны, которые стремятся к более широкой интеграции с ЕС: Молдову, Грузию. Возможно, ускорило бы урегулирование конфликта в Приднестровье, а также оздоровило бы ситуацию вокруг транзита энергоресурсов. Наиболее решительные заявления касались перспективы замены лидерства на части постсоветского интеграционного пространства. Этим подразумевалось, что при условии присоединения Украины к Европейскому союзу Киев мог стать альтернативным относительно России центром притяжения для Молдовы, закавказских стран, даже Беларуси. Отсутствие в Украине соответствующего ресурсного потенциала (сопоставимого с российским) превращало подобные заявления в безосновательные мечты. Даже в отдаленной перспективе эта страна была способной оставаться не более чем инициативным членом (но не лидером) регионального содружества.

Экзальтация стратегических аппетитов Украины умерилась после избрания новым президентом государства В. Януковича в феврале 2010 г. Уже в первых интервью новоизбранный президент заявил, что Киев будет улаживать свои отношения с НАТО, исходя из национальных интересов. На тот момент президент не поставил вопрос о вступлении Украины в Североатлантический альянс, а глубину имеющихся с НАТО контактов посчитал целиком достаточной для того, чтобы обустривать партнерские отношения, разрушать которые страна не собиралась. Вместе с тем В. Янукович не провозгласил весьма желанного для Москвы курса на долговременное сохранение российской базы Черноморского флота в Севастополе и придание русскому языку статуса государственного наравне с украинским.

Эксперты сходились во мнениях, что по большому счету в перспективе В. Янукович продолжит политику В. Ющенко, только будет проводить ее тихо, спокойно и расслабленно.

Вопрос внешней самоидентификации белорусского государства

Международное положение Беларуси, складывавшееся с начала XXI в., как и внутренняя трансформация общества, требовали переосмысления содержания приоритетов внешней политики и возможностей ее ресурсного обеспечения. С приобретением государственного суверенитета Республика Беларусь очутилась в центре европейского геополитического разлома между Востоком и Западом континента. Ее территориально-стратегическое расположение неизбежно требовало определения внешних приоритетов. Как известно, в 1990-е гг. среди них доминировал российский, позже имели место периодические и не очень результативные усилия его уравновесить многовекторностью. Практический смысл и вес при этом приобретала векторная альтернатива «Восток – Запад».

Варианты развития Беларуси и обретения ею своего места в Европе в начале XXI в. зависели от того, какую форму общественного развития примут в качестве базовой, исходной основные экономические и политические элиты страны. Реальное развитие событий на ближайшие 5–10 лет определялось тем, как белорусское общество будет проходить этап становления не только во внутреннем, но и во внешнем политическом и экономическом пространстве. Строго говоря, все более отчетливой становилась дилемма: Запад или Восток. Восточный вектор развития Беларуси всегда был и будет. Вопрос заключался в степени самостоятельности такого выбора, его функциональности и эффективности конкретных механизмов его реализации. Европейский выбор Беларуси, в отличие от соседних стран, пока идентифицировался слабо, но это было делом времени.

Дело в том, что среди стран региона ЦВЕ Беларусь к началу XXI в. одолела пока более короткий отрезок на пути решения поставленных целей. Переходные трудности дополнялись внешним имиджем государства с неопределенным суверенитетом. Процесс создания Союзного государства Беларуси и России приостановился на политическом распутье. Направление социально-экономического реформирования встречало немало оппонентов в стране и вовне. На Западе распространялась мысль, что своим внутренним и внешнеполитическим курсом Беларусь противопоставляет себя сформированному европейскому порядку, чем создает угрозу стабильности в регионе ЦВЕ. Нередко Беларусь оценивалась как проблемное государство Европы. Потому (независимо от степени правдивости этих утверждений) ради укрепления авторитета ей требовалось поработать больше других в плане расширения международного доверия и превращения в признанный конструктивный элемент европейской безопасности и сотрудничества.

Не было сомнения, что обрисованная геополитическая уникальность Беларуси – явление временное. И не она обуславливала место страны в системе безопасности на континенте. Действительную заинтересованность Запада к Беларуси определяли иные факторы. Стержнем международного веса оставалось ее расположение на стратегическом перекрестке торгово-экономических путей континента и при этом размещение на стыке Европы и постсоветского пространства. Именно эти факторы определяли для Беларуси перспективу стать «мостом» или «помостом» для полномасштабного сотрудничества обеих частей континента и приобрести выразительное позитивное европейское влияние.

Однако в 2010-е гг. в целом доминировал временный фактор. Из-за этого замедлялся процесс вовлечения Беларуси в европейское содружество. В Европе (в который раз на протяжении последних двухсот с лишним лет) блуждал «белорусский вопрос». Там его применительно к современности определяли как сохранение авторитарных методов правления страной и нарушение прав человека со стороны официальных властей. Такой имидж определенным образом ослаблял вес государства в сфере безопасности, высвечивая преобладающие негативные оттенки на линии «Беларусь – Запад».

В столицах западных государств закрепилось мнение, что Республика Беларусь создает неоправданные испытания для нового европейского порядка, что она загнала себя в тупик самоизоляции от Запада, чем сузила пространство для самостоятельной и сбалансированной внутренней и внешней политики. Утверждалось, что внешняя безопасность РБ основана на белорусско-российской интеграции, но каркас этой безопасности скроен скорее на противопоставлении, чем по образцу концепции «коллективного Запада».

Корректировка внешнеполитических приоритетов Республики Беларусь в конце 2010-х гг.

В прошлом векторная альтернатива «Восток – Запад» не стояла настолько остро, как перед президентскими выборами 2010 г. Дело, видимо, заключалось в следующем: ранее внешние центры силы пытались либо инициировать преобладание западной векторности, либо вовсе лишить белорусское государство внешнеполитической субъектности путем включения в состав Российской Федерации. Такая эволюция геополитического положения Беларуси происходила на протяжении последнего десятилетия. Ее динамика возрастала в периоды президентских выборов и обострения белорусско-российских торгово-экономических отношений, получивших названия войн – «газовых», «молочных», «нефтяных», «сахарных». Но осенью 2010 г. кроме внешних взаимоисключающих влияний проявились приметы смены геополитических приоритетов на Запад непосредственно со стороны официального Минска.

Стоит отметить, что сами названные войны, кроме экономической подоплеки, имели четко выраженную стратегическую составляющую. Ее суть выявлялась в узком и широком смысле. В узком понимании ее можно свести к стремлению официальной Москвы по-прежнему удерживать Беларусь в сфере российского влияния, принуждая белорусское руководство к лимитрофному поведению в двусторонних связях и продолжению «руки Москвы» в многосторонних внешнеполитических действиях. В широком смысле стратегия российского руководства замыкалась на Беларуси как демонстрационном образце российско-белорусских отношений и модели для интеграции стран «ближнего зарубежья» с установлением доминирующей роли и исключительного влияния России на постсоветском пространстве.

Стратегические цели российского руководства продолжительное время не допускали принятия кардинальных решений относительно подчинения Беларуси. Именно она готовилась на роль демонстратора перед бывшими советскими республиками осмысленно выношенной и практически проверенной на эффективность модели «собирания земель» вокруг Российской Федерации. Из этой цели и вытекала политика «кнута и пряника» официальной Москвы, когда торгово-экономические войны перемежались с внушительной финансовой подпиткой белорусской экономики.

Опасность попасть в лимитрофное состояние и превратиться в экспериментальное поле возрождения советской империи уже с середины 2010-х гг. осмыслило белорусское руководство. Периодические заявления президента А. Лукашенко о пожертвовании больших средств ради сохранения государственного суверенитета стали выразительным свидетельством такого понимания. В этом процессе самодостаточность белорусской экономической модели оказалась лакмусовой бумажкой для продолжения либо прекращения процесса строительства белорусской государственности.

Мировой экономический кризис, с 2009 г. втянув экономику страны в свой водоворот, высветил дополнительные потенциально опасные для суверенного развития процессы. Белорусским экспертам стала очевидной необходимость сочетания усилий по выходу из кризиса с диверсификацией внешнеэкономического партнерства. Расширение числа экономических партнеров давало основание международным аналитикам делать политические расчеты. Так, поиски Беларусью альтернативных источников внешнеэкономического взаимодействия породили на Западе надежды на территориальную перекройку линии геополити-

тического разлома. Если буквально в недалеком прошлом в подобных геополитических играх Беларусь, проводя стратегию равноудаленности, сохраняла самостоятельную роль и даже возможность получать от них дивиденды, то в кризисный период возникла опасность потерять преимущества стратегического партнерства с Россией, не приобретя полноценной альтернативы взамен. Момент истины наступил осенью 2010 г., на этапе президентской избирательной кампании.

Очевидные колебания официального Минска в выборе приоритетов между «Восточным партнерством» и Россией определенным образом ослабили геополитический вес белорусского государства. Возникли неприсущие для прошлого моменты лавирования между Россией и Евросоюзом. Объявление президента А. Лукашенко в декабре о присоединении к Единому экономическому пространству (ЕЭП), детищу Кремля, означало возвращение к традиционным приоритетам. Этот выбор, предсказуемый экономически, во внешнеполитическом смысле оставил риск недоверия со стороны и западных, и восточных соседей. Отдельные аналитики стали отыскивать исторические параллели между современным состоянием Беларуси и российско-польским соперничеством за земли Великого княжества Литовского в XVII–XVIII вв.

Таким образом, охарактеризованные процессы и события 2010-х гг. означали, что геополитическая парадигма в регионе ЦВЕ поддалась эволюции. Они стали действенным испытанием на прочность восточноевропейской конструкции как части архитектуры европейской безопасности. Развитие событий ставило континент и властные элиты перед альтернативой: сохранить с такими трудностями созданную архитектуру, либо идти на риск ее слома и замещения конфронтационными схемами. Непредсказуемости и тревоги добавлял тот факт, что риск слома существенных элементов европейской безопасности по времени совпадал с мировым финансово-экономическим кризисом, способным обострять все национальные, межгосударственные, региональные и глобальные проблемы.

Для Беларуси, как существенного актора в деле сохранения европейской и региональной безопасности, в конце 2010-х гг. курс на сохранение государственного суверенитета проходил через избавление от сверхзависимости белорусской экономики от российских энергоносителей и ликвидацию перекоса во внешней торговле путем снижения доли России в ее общем показателе. Любой белорусский шаг в данных направлениях посылал Москве сигнал тревоги при реализации ее интеграционной стратегии в «близком зарубежье». Поиски Беларусью равновесия во внешней торговле имели позитивный результат, но одновременно обострили соперничество между евразийским и западноевропейским интеграционными центрами, вызывая дополнительную напряженность. В условиях преодоления последствий мирового финансово-экономического кризиса это привело к нежелательным политическим колебаниям вокруг Республики Беларусь.

Chesnovski M.E. European Geopolitical Braking in the 2010s and Belarus

The events of the last decade of the XX and the beginning of the XXI centuries influenced the condition and stability of international security. It suffered the press of increasing globalization- a contradictory process, which affected all the life spheres of world community. Force rearrangement took place in international sphere. New centers of influence emerged and consolidated; the quantity of independent subjects of international relations multiplied. The processes of regional integration kept their unpredictability. These processes happened to be in full typical for Europe. The old continent still remained the motor of worldwide geopolitical changes. Economic-political ambitions of the European Union and Russia became a geopolitical barometer of the beginning of the 2000s. The place of their application was the region of Central and Eastern Europe. Taking into account the forming circumstances the Republic of Belarus had to comprehend once again the contents of foreign policy priorities and the possibilities of its resource provision

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 19.01.2012